

Секретный щит Бабаева

(рассказ сестры Ю. Н. Бабаева)

В Москве проживает старшая сестра Ю. Н. Бабаева Евгения Николаевна. Она с большим удовольствием откликнулась на нашу просьбу дать интервью и пригласила к себе Главного научного сотрудника РФЯЦ-ВНИИЭФ П. Д. Сухаревского и корреспондента газеты «Страна Росатом» Э. Крылова. Беседа продолжалась более 3-х часов в июне 2017 г. Мы публикуем лишь ее небольшую часть.

– *Евгения Николаевна, расскажите о ваших родителях.*

– Наш отец – уроженец Бежецка. Русский, но по характеру и внешности в нем видна была восточная кровь. Жгучий брюнет, темперамент, отсутствие всякой выдержки. В Бежецке он окончил церковно-приходскую школу и педагогический институт.

Мы с Юркой – дети от второго брака отца. Они с матерью познакомились, когда им было около 35 лет, на курорте. Потом она вызвала его в Москву, чтобы зарегистрировать брак. Заставила поступить в университет, потому что сама имела высшее образование.

Отец окончил физмат какого-то московского института в 1929 г. Преподавал математику в дорожно-механическом техникуме. Работал до войны, а после эвакуации, вернувшись в Москву, до пенсии преподавал в школе рабочей молодежи.

Когда началась война, мне было 14 лет. Юрка младше на полтора года. Я родилась в октябре, а он 20 мая. Хотя сейчас везде пишут, что 21-го, но это неправильно.

Предки матери – баварские немцы, бароны. Обеднев, они покинули Баварию. Она была одной из семерых детей, в семье говорили на немецком. Моя мать была удивительно энергичным и умным человеком. В школе она никогда не делала уроки. Говорила, что ей достаточно было послушать преподавателей, чтобы все запомнить. Видимо, Юрка в нее пошел своим умом, а я в отца.

Одно время мать работала в разведшколе под Москвой, где-то на Казанской железной дороге. Преподавала немецкий разведчикам, которых готовили к отправке в Германию. Язык она знала блестяще.

– *Как вы учились в школе?*

– Мы оба были отличниками. Но я гуманитарий – у меня два высших образования, окончила литературный и английский факультеты. Чтобы получить пять по математике, мне приходилось долго трудиться, в отличие от Юрки. Его математическими талантами так восторгались, что учительница математики ратовала, чтобы ему дали ордер на ботинки. А его слабым местом была литература. Он сдал все выпускные экзамены на пятерки, кроме сочинения. Причем ему хотели поставить пять и дать золотую медаль, но директор решил иначе: дал медаль ученику, отец которого привозил в школу дрова. Поэтому Юрка окончил школу с одной четверкой.

Условия в эвакуации были ужасные. Первый год мы прожили на Урале, в Челябинской области. Летом работали в колхозе, там нас хоть как-то кормили. Приходилось тряпки на картошку менять, патефон с пластинками за 100 яиц отдали.

Потом мать вызвали преподавать немецкий в Ленинабад (в Таджикистане). В Ленинабаде впервые за год ели белый хлеб. Но кроватей там не было, полы глиняные, мы спали на полу. НКВД дал матери пропуск, а отцу – нет. Он тогда проходил переосвидетельствование, поскольку был освобожден от армии, у него после инсульта не работала рука. Ему было под 60. Первый год, пока отец не приехал, нам было очень тяжело.

Когда приехал, ему предложили работу в средней школе в 20 км от Ленинабада, в шахтерском поселке Кансай, где добывали свинец. Юрка потом поехал учиться туда. Он был еще маленький, а старшеклассников заставляли работать в шахте, занятия в школе проходили в третью смену. Отработают в шахте, а потом учиться.

Я окончила школу в Ленинабаде, а Юрка через год в Москве. Он перескочил класс: за год прошел программу восьмого и девятого. Мы вернулись из эвакуации. Я мечтала попасть на английский язык, потому что модно было. Но конец августа, везде все укомплектовано, и справку с места прописки требовали. А нас не прописывали, потому что мы приехали в Москву без приглашения. Юра сразу захотел на физический факультет. Поскольку у него не было аттестата отличника, он сдавал все экзамены – и сдал на пятерки, в том числе и литературу.

В годы учебы

– Он из-за отца решил поступать на физический?

– Нет, отец не давал ему никаких советов. Отец его недолюбливал, и это было взаимно. А мать его боготворила, он ее обожал. Я от этого в детстве страдала. Но привыкла к тому, что Юрка мне подчинялся. Подчинялся моей воле, а тут появилась Люда (будущая жена). Он стал слушаться Люду, а не меня. Мы с ней не ссорились, но отношения были прохладные.

Почему он захотел на физический, я не знаю, видимо, математики ему было мало. Но окончил учебу он блестяще. Потом пришли из НКВД какие-то деятели к декану и потребовали списки самых талантливых, выдающихся студентов. Юрка попал в этот список. Его распределили, даже не спросив.

– Как он отнесся к распределению?

– Очень был огорчен, потому что хотел заниматься наукой. Планировал поступить в аспирантуру. После распределения пришел домой расстроенный. Я спрашиваю: «Куда тебя распределили?». – «Это секрет». Я разложила перед ним карту страны. И его взгляд остановился на Горьковской области. «Сюда? Горьковская область?» – спросила я. Он только кивнул. Чем он там будет заниматься, он, конечно, не знал. Люда, его жена, рассказывала, что, когда он туда приехал, не в ту дверь вошел, и его арестовала охрана. Когда выяснили, кто он такой, отпустили. Но думаю, он тогда окончательно понял, что это непростая работа.

– Со временем он менял мнение о работе?

– Он не жаловался. Его только стесняло, что он был ограничен в передвижении. Ему, например, не рекомендовали садиться в такси. Он вообще много остерегался. Как-то мы поехали в Тарусу с палатками ночевать. Там была другая

компания, и Юрка очень боялся, что они нападут, потому что рядом палатку устроили, ходил все вокруг да около.

Мой муж удивился этому, пошел поговорить с ребятами. Оказалось, что они просто приехали, так же как и мы, отдохнуть, посмотреть достопримечательности. После этого Юрка немного расслабился.

Когда он приезжал в Москву, приходил к матери, сидел минут 10–20 и уходил. Был не очень внимательным сыном. Мать всегда его очень ждала. А он занят, ему некогда.

Мы не спрашивали, чем он занимается: знали, этого делать нельзя. Понимали, что это засекреченное место, и что он там нужен как физик. Мы знали, что он получал награды, Сталинскую премию, потом Ленинскую, потом Героя Труда, потом членкором стал.

Однажды Юрка рассказал, что изобрел электронный лазер. Потом наши разведчики украли похожую технологию у американцев и положили на стол Юрке, чтобы он разобрался в ней. Оказалось, что это его разработка: американцы ее выкрали, а наша разведка выкрала ее у американцев. Юрка говорил, что сразу узнал ее, даже свои погрешности: «Я вспомнил, что я сделал две ошибки, я их исправил».

С женой на отдыхе

Юрка был за науку, за оборону. Гордился тем, что обеспечил ядерный щит стране. И я им тоже очень горжусь.